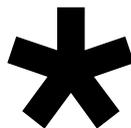

Книга судеб

Лев Бердников. Анна Леопольдовна: наказанная добродетель. Эссе

Лев Бергников

АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА:
НАКАЗАННАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Существует предание, что жена царя Иоанна Алексеевича, родного брата Петра I, Прасковья Федоровна, прокляла всех трех своих дочерей. На смертном одре царицы ее шурин просил снять проклятие, но она смягчилась только в отношении средней дочери, будущей императрицы Анны Иоанновны; что же касается двух других чад, то она вновь прокляла их с их потомством на веки вечные. И что же? Младшая дочь, Прасковья Иоанновна, вообще не имела детей, а старшая, Екатерина Иоанновна, стала матерью печально известной Анны Брауншвейгской, нашей героини.

Об Анне нельзя сказать — дитя любви. Супружеская жизнь ее матери и отца, герцога Карла-Леопольда-Мекленбург-Шверинского, была несчастливой. Деспотизм, грубость, сварливость герцога в Ростокке, где родилась девочка, были совершенно невыносимы, и жена с трехлетней дочерью бежала втайне в Россию (1722). Первоначально они поселились в патриархальном Измайлово, при дворе Прасковьи Федоровны, который Петр I назвал в сердцах «гошпиталем уродов, ханжей и пустословов». Раздражение великого реформатора объяснимо: несмотря на ветры петровских перемен, здесь господствовала обстановка русского XVII века, почитались старомосковские традиции. Посетивший измайловские покои Екатерины Ивановны и ее дочурки Голштинский камер-юнкер Ф. В. Берхгольц в своем дневнике от 26 октября 1722 года пишет с нескрываемым презрением (понятное дело, немчур) о прескверной игре «полуслеплого, грязного бандуриста» и отчаянных плясках перед гостями «какой-то босой, безобразной и глупой женщины». Но малолетняя принцесса воспринимала все это совершенно иначе — она оказалась в народной среде, в окружении привычных для бабки и матери ценностей, и с этой средой сроднилась.

После вступления на российский трон Анны Иоанновны жизнь девочки изменились самым решительным образом. Желая сохранить престол за своим родом — Романовыми-Милославскими, бездетная императрица приблизила к себе тринадцатилетнюю племянницу и окружила ее штатом придворных служителей. В вопросах веры Анну наставлял человек такого высокого уровня, как архиепископ Новгородский Феофан Прокопович, круг интересов которого был весьма обширным. Имея глубокие познания в истории, теологии, философии, он занимался математикой, физикой, астрономией, интересовался живописью, любил слушать инструментальную музыку, был пылким оратором. Он обладал крупной по тем временам библиотекой, в которой насчитывалось более трех тысяч книг, изданных в Европе.

Думается, что этот энциклопедически образованный и веротерпимый пастырь, оперировавший логически стройными аргументами, привил воспитаннице любовь к знаниям и навык к чтению. Принцесса свободно говорила и писала на русском, немецком и французском языках, запоем читала историческую, мемуарную и приключенческую литературу. Но более всего ей по душе были французские и немецкие романы. Впоследствии, уже став правительницей, она будет обстоятельно расспрашивать президента Академии наук Бреверна об ученых занятиях профессоров, о раритетах библиотеки и Кунсткамеры и будет просить выписать ей из-за границы новые книги (поскольку весь имевшийся запас для чтения был исчерпан). Как блекло выглядит на ее фоне искушенная в интригах, но мало-просвещенная императрица Елизавета, до конца жизни уверенная в том, что Англия расположена не на острове, а на континенте!

В то же время «русская душой» Анна была глубоко религиозна и серьезно наставлена в православии. Как отмечает писатель К. Валишевский, она отличалась набожностью, «ставила образа во все углы своих комнат, следила, чтобы везде были зажжены лампы» (впоследствии она будет ревностно следить за воспитанием своих детей в духе православия и христианского благочестия).

Императрица всерьез подумывала о наследнике престола, а соответственно, о династическом браке своей племянницы. В 1733 году в Петербург прибыл из Германии ставленник Австрийского императора герцог Антон-Ульрих Брауншвейгский. Он усердно принялся изучать русский язык (под руководством В. К. Тредиаковского), поступил на службу в качестве подполковника кирасирского полка, но «глав-

ным делом» герцога было его сватовство к принцессе Анне. Его встретили радушно, но многие не скрывали своего разочарования. Антон-Ульрих был невысок ростом, худощав, прыщав и белобрыс; к тому же он заикался и робел при общении с сильными мира сего. Да, он был весьма образованным и воспитанным юношей, толковым и отважным офицером, честным и прямодушным человеком. Как и его невеста, он был и записным книжечеем. Но вот беда! — в библиотеке, которую он привез с собой и которая считалась одной из лучших в России, начисто отсутствовали любовные романы. Наивный и неискушенный в любовных делах герцог, вместо того чтобы обольщать Анну по законам милого ее сердцу политеса, зачастую изводил ее скучными разговорами о фортификациях и прочих военных делах. Императрица, видя холодность племянницы к жениху, решила не принуждать ее к скорой свадьбе, а отложить брак до совершеннолетия невесты.

Жених не вызвал пылких чувств у девушки еще и потому, что сердце ее уже пленил польско-саксонский посланник при русском дворе граф Мориц-Карл Линар. Это был истый щеголь, отличавшийся светской любезностью и утонченностью, привитыми ему в Дрездене, городе, который соперничал в то время с блистательным Версалем. Портрета Линара не сохранилось, но, судя по отзывам современников, он был, что называется, роковым красавцем и кумиром всех дам, несмотря на то что ему в то время было уже около сорока.

Но Анна не была бы Анной, если бы прельстилась пустым придворным франтом: в Морице-Карле ее привлекали острый ум и широкое образование (он был воспитанником ученого-географа А. Ф. Бюшинга). Их объединяла и страсть к чтению. И, совсем как в прочитанных ими романах, между ними завязывается оживленная переписка. И продолжается она весьма долго, благодаря ловкости воспитательницы принцессы госпожи Адеркас, скрывавшей ее от чужих глаз. Говорили, что сия госпожа когда-то содержала бордель в Дрездене и, возможно, поэтому поощряла невинные шалости своей царственной воспитанницы. Но совсем иначе посмотрела на это императрица: узнав о непозволительных цидулках, она немедленно выслала Адеркас за границу, а Линар, по ее просьбе, был отозван своим двором. За юной Анной же установили строгий контроль, чтобы уберечь ее от новых романов. После высылки графа она еще больше сблизилась со своей любимой фрейлиной Юлианой Менгден. Историк А. А. Бушков, ссылаясь на намеки некоторых мемуаристов, об-

лыжно аттестует двух девиц «прилапанными» лесбиянками. И дело даже не в том, что подобные оценки грубы и несправедливы; здесь очевидна тенденция — снизить образ Анны Леопольдовны, показать ее ущербность и ничтожество.

А что Антон-Ульрих? Он усердно служит России, тщетно надеясь, что любовь Анны можно завоевать на поле брани: возглавляет отряд при штурме крепости Очаков в июле 1737 года. В гуще боя под ним пала лошадь, другая пуля задела камзол. Но судьба хранила его и тогда, и в 1738 году, когда, участвуя в стычках с неприятельской конницей, Антон-Ульрих вернулся если не оваянным славой, то уважаемым в армии командиром. Фельдмаршал Миних написал тогда императрице, что герцог вел себя в походе «как иному генералу быть надлежит».

И вот наконец случилось то, чего так долго добивался жених: руку принцессы, он получил. И подтолкнул Анну к сему решению не кто иной, как герцог Курляндский Бирон, возжелавший женить на ней своего сына Петра. Но принцесса не ответила ему взаимностью. А тому доставляло неописуемое удовольствие дразнить Анну и ее жениха. Однажды Петр Бирон явился на бал в костюме из той же ткани, из которой было шито платье принцессы, чем поверг двор в недоумение и шок. Всех возмутила сама идея проказника — составить искусственную пару с чужой невестой. Как писал об этом современник, все иностранные министры были удивлены, а русские вельможи и даже их лакеи «скандализованы». Таким образом, выбирая между двумя одинаково нелюбимыми женихами, Анна предпочла незлобивого, и к тому же родовитого, Антона-Ульриха. Но в сравнении с ними обоими, такими обыденными, каким притягательным ей казался возлюбленный ею Линар! В нем одном виделся ей романтический герой из прочитанных книг. Но граф был так далеко... И Анна согласилась на помолвку, а затем и на помпезные торжества по случаю бракосочетания с нелюбимым Антоном-Ульрихом Брауншвейгским.

И гремели пушки, и салютовали беглым огнем войска, и били фонтаны с красным и белым вином, а для «собравшегося многочисленного народа пред сими фонтанами жареной бык с другими жареными мясами предложен был». И вспыхнул ослепительный фейерверк с аллегорическими фигурами — «Россия и Германия, в женском образе представленные, с надписью: СОЧЕТАЮ». Присутствовавшая на церемонии жена английского резидента Дж. Ви-

гор так описала эту сцену: «На женихе был белый атласный костюм, вышитый золотом, его собственные очень длинные белокурые волосы были завиты и распущены по плечам, и я невольно подумала, что он выглядит как жертва... Принцесса обняла свою тетушку и залилась слезами. Какое-то время ее величество крепилась, но потом и сама расплакалась. Потом принцесса Елизавета подошла поздравить невесту и, заливаясь слезами, обняла».

Конечно, плач, вытье, причитания — неперенные приметы русского народного свадебного действия, зафиксированные и в произведениях фольклора. Но в нашем случае стенания имели вполне определенную подоплеку. Объяснимы и плач невесты, вышедшей замуж за постылого жениха, и грусть ведавшей об этом императрицы, благословившей сей династический брак. Едва ли вызваны радостью и слезы Елизаветы — ведь замужество Анны с перспективой рождения наследника лишало ее каких-либо шансов на русский престол.

Говорили, что в первую же брачную ночь молодая жена сбежала в сад, и разгневанная императрица хлестала племянницу по щекам, загоняя ее на супружеское ложе. Однако вскоре принцесса, кажется, смирилась со своей участью — она стала мила с мужем и даже прилюдно целовала его. 12 августа 1740 года она родила сына, нареченного при крещении Иоанном и объявленного манифестом 5 октября 1740 года великим князем и наследником престола. В манифесте оговаривалось, что в случае смерти «благоверного» Иоанна корона перейдет к принцам «из того же супружества рождаемым» (то есть к детям мужского рода Брауншвейгского семейства — Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны). Понятно, что ребенок управлять государством не мог — надлежало назначить регента. Интриги Бирона, коему не смели перечить высшие российские сановники, привели к тому, что умирающая императрица подписала указ о назначении его регентом и, сказав своему любимцу напоследок ободрительное «Небось», оставила сей мир.

То, чего действительно не боялся новоиспеченный регент, — это всячески унижать и третировать родителей державного младенца. Он позволял себе оскорблять Антона-Ульриха, потребовав, чтобы тот добровольно сложил с себя все военные чины. Бирон даже наложил на него домашний арест. А Анне он пригрозил, что вышлет ее с мужем из России, а сам призовет сюда Петра Голштинского (будущего императора Петра III). Поговаривали, что Бирон сам метил на пре-

стол, а потому обхаживал цесаревну Елизавету в целях женитьбы на ней своего сына Петра, к супружеству всегда готового. И для Брауншвейгского семейства регентство Бирона при живых родителях императора было странным и обидным. В их окружении открыто сомневались в подлинности подписи Анны Иоанновны на указе о регентстве. После очередной стычки с Бироном Анна Леопольдовна обратилась за советом к фельдмаршалу Б. К. Миниху, который с ее одобрения составил план низложения временщика.

Вечером 8 ноября Миних ужинал у Бирона. Хозяин (которому нелзя было отказать в интуиции), между прочим, спросил гостя: «Случалось ли Вам предпринимать решительные действия ночью?» — «Случалось, если того требовали обстоятельства», — невозмутимо ответил Миних, поблагодарил за ужин, откланялся и удалился. А ночью отряд из 80 гвардейцев под командованием адъютанта Манштейна арестовал регента. «Караул!» — закричал спросонья Бирон. «Караул прибыл, Ваша светлость!» — ответил Манштейн и распорядился отправить арестованного в Шлиссельбургскую крепость.

А уже на следующий день был обнародован манифест о назначении Анны Брауншвейгской правительницей империи с титулами великой княгини и императорского высочества. Она становилась регентшей до совершеннолетия младенца-императора. Это известие было встречено всеобщим ликованием. «Еще не было примера, — писал французский посланник, — чтобы весь этот народ обнаружилвал такую неподдельную радость, как сегодня».

Первым делом правительница уволила всех придворных шутов и шутих, наградив их дорогими подарками. Виновником «нечеловеческих поруганий» и «учиненных мучительств» над шутами она объявила Бирона. Однако всем было известно, что не Курляндский герцог, а сама бывшая императрица выискивала их по всем городам и весям России, именно она забавлялась дикими выходками, драками до кровищи, сидением на лукошках с яйцами этой забубенной «кувырколлегии». Правительница разгромила сам институт шутовства своей венценосной тетушки. И необходимо воздать должное Анне, навсегда уничтожившей в России само это презренное звание (в шутовской одежде забавники при дворе больше уже никогда не появлялись).

Анна Леопольдовна явила себя прежде всего как правительница православная. Она отменила ограничения для желающих постричься в монахи; аннулировала фактически проведенную в 1740 году секуляри-

зацию; возвратила архиерейским домам и монастырям церковные вотчины, управлявшиеся ранее Коллегией экономии, и жаловала им деньги, минуя официальные инстанции. Примечательно, что при условии крещения она даровала прощение даже закоренелым преступникам-инородцам, приговоренным к смертной казни. Известно также, что апартаменты ее и сына-императора были уставлены иконами, среди коих выделялся образ святых мучеников Аникиты и Фотия, празднуемых в день рождения Иоанна Антоновича, причем правительница приказывала украшать иконы драгоценными окладами. Возле сих икон постоянно теплились лампы. Она имела своего духовника, священника Иосифа Кирилова, который часто проводил богослужения в их покоях. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что правительница постилась и строго соблюдала православную обрядность.

Вопреки измышлениям некоторых историков о немецкой ориентации правительницы, отметим, что еще в бытность Анны Иоанновны она тесно общалась с кабинет-министром А. П. Волынским, олицетворявшим собой «русскую» партию; во время же ее регентства половину членов кабинета составляли русские, а из восьми камергеров немцев было только два. Патриотизм Анны проявился вполне, когда по ее повелению потомкам легендарного Ивана Сусанина выдали грамоту, подтверждавшую их освобождение от рекрутской повинности. Примечательно и то, что, придя к власти, она незамедлительно вызволила из северной глухомани представителей старомосковской знати — репрессированных родственников князей Голицыных и Долгоруковых.

Регентшу вообще отличало исключительное милосердие. Очень точно сказал об этом современник Х. Манштейн: «Никто не имел повода жаловаться, так как Россия никогда не управлялась с большей кроткостью, как в течение года правления великой княгини. Она любила оказывать милости и была, по-видимому, врагом всякой строгости». Ему вторил прусский посол А. фон Мардефельд: «Нынешнее правительство самое мягкое из всех, бывших в этом государстве». Несмотря на оскорбления, нанесенные ей Бироном, она не утвердила решение суда, приговорившего его к четвертованию, а ограничилась лишь ссылкой обидчика. Правительница утишила свирепство наводившей на всех страх Тайной канцелярии, где при ее тетушке по наветам шпионов пытали сотни безвинных граждан; и даже ходили упорные слухи об ее упразднении. Правительница

вернула из Сибири всех, кто в царствование Анны Иоанновны попал в ссылку по политическим преступлениям. Возвратились в Петербург дети казненного «государственного преступника» А. П. Волынского. В числе других она распорядилась доставить в столицу и сосланного в Камчатский острог бывшего фаворита Елизаветы Петровны Алексея Шубина. О благодарности со стороны цесаревны говорить, конечно, не приходится. И, может быть, именно пример Анны Леопольдовны повлиял на Елизавету, когда впоследствии, вступая на престол, она объявила, что будет править милосердно и что при ней в России не произойдет ни одной смертной казни. И обещание свое сдержала.

Анна соединяла природное остроумие с благородным и добродетельным сердцем. Поступки ее были всегда откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нее несноснее, чем притворство и принуждение. Начисто лишена изворотливости и житейской хитрости, правительница с ее открытостью и доверчивостью была, казалось, слишком нравственно чистоплотна, чтобы властвовать в такой огромной империи. Показательно, что Елизавета сказала о ней однажды: «Надобно иметь мало ума, чтобы высказываться так искренно, она дурно воспитана, не умеет жить». И как только ни называли ее: и «беспечная», и «легкомысленная», и «недалекая», — но историк Н. Я. Эйдельман нашел более точное слово — «простодушная». Вот уж поистине в случае с Анной «прямодушье глупостью слывет»!

Иные не расположенные к правительнице деятели отзывались о ней с нескрываемой враждебностью, аттестуя ее неспособной, избалованной, с дурными привычками, ленивой. Но предвзятость таких оценок очевидна. Характерно, что гофмейстер Э. Миних (сын фельдмаршала, ее ругателя), близко с ней общавшийся, дает совершенно иной образ: «Дела же слушать и решать не скучала она ни в какое время, и дабы бедные люди способнее могли о нуждах своих ей представлять, назначен был один день в неделю, в который дозволялось каждому прошение свое подавать во дворце кабинетскому секретарю. Она знала ценить истинные достоинства, и за оказанные услуги награждала богато и доброхотно... Многих сознательных требовалось доводов, пока она поверит кому-либо впрочем и несомненному обвинению. Для снискания ее благоволения нужна была больше откровенность, нежели другие совершенства. В законе своем она была усердна, но от всякого суеверия изъята».

Что до «празднолюбия», чем корили Анну Леопольдовну некоторые недоброхоты, то, как показал известный историк И. В. Курукин, регентшу «можно было упрекнуть в чем угодно, но только не в лени... Комплекс документов императорского кабинета, проходивших через руки правительницы, хранит сотни ее резолюций... Правительнице предстояло посвятить себя нелегкому труду управления, заставляя себя быть компетентной в делах, научиться искусству привлекать и направлять своих сподвижников или предоставить все другим, оставив за собой кажущуюся легкость окончательного решения». В Полном собрании законов Российской империи зафиксировано 185 законодательных актов с ноября 1740 по ноябрь 1741 года, что говорит о достаточной интенсивности законотворческой деятельности. В некоторых ее указах сквозит импульсивность. Но импульсы эти продиктованы человеколюбием и добродушием правительницы и потому благотворны.

Оказавшись на вершине власти, Анна Леопольдовна была втянута в невероятный омут придворных интриг. Между министрами началась глухая подковерная борьба. Антон-Ульрих стал генералиссимусом и кавалером высшего российского ордена — Св. Андрея Первозванного; фельдмаршал Б. Х. Миних — первым министром, то есть главой правительства. Последний оставался на этом посту недолго — скоро последовала его отставка. Некоторые историки говорят о «несправедливости» Анны, проявленной к фельдмаршалу, который и привел к престолу. При этом забывают о болезненном честолюбии Миниха и его неукротимой жажде власти. Он то и дело одергивал генералиссимуса и даже затеял с ним склоку. В конце концов, Миних был отставлен во вполне гуманном духе: с денежным пособием в 100000 рублей, с сохранением пенсии, движимого и недвижимого имущества и даже периодическими приглашениями во дворец — был ли до сего времени подобный прецедент в истории России?

При Анне особо выдвинулся канцлер А. И. Остерман, пожалованный чином генерал-адмирала. Внешняя политика страны под его руководством склонялась в сторону Австрии. Этот талантливый дипломат обладал удивительным умением потрафить самым сокровенным желаниям правительницы, а затем использовать их в своих политических целях. Ведь это именно благодаря его, Остермана, инициативе в Петербург вместе с имперским послом Австрии маркизом де Ботта вернулся и столь ожидаемый Анной граф Линар.

Канцлер всячески поощрял правительницу, желавшую возвысить любимого, и вот на нового фаворита обратила наконец свой взор капризная русская Фортуна: он стал обер-камергером Двора, кавалером орденов Александра Невского и Андрея Первозванного.

Столь стремительный взлет Линара был не по душе многим, и прежде всего мужу правительницы. Однако Анна даже не считала нужным скрывать свои чувства к графу: она почти все время проводила в его обществе. При дворе ходили слухи, что часовые у ворот дворцового сада не пускали туда генералиссимуса, если Анна гуляла там с Линаром и Юлианой Менгден. Наконец, хитроумный Остерман задумывает комбинацию — выдать фрейлину Юлиану Менгден замуж за Линара! Это окончательно привяжет графа к русскому двору и сделает почти законным его двусмысленное положение при регентше. Из любви к Анне Юлиана согласилась на этот по существу фиктивный брак, а Линар заторопился на родину, чтобы уладить домашние дела для переезда в Россию.

Анна Брауншвейгская вовсе не была модницей и щеголихой. Пышные наряды, корсет и фижмы она считала для себя невыносимой пыткой. По словам того же Б. Х. Миниха, «она была от природы неряшлива, повязывала голову белым платком, идучи к обедне, не носила фижм и в таком виде появлялась публично...» Однако желание понравиться франту Линару произвело в ней заметную метаморфозу. Обыкновенно небрежная в своем наряде и мало занимающаяся своей наружностью, она теперь непривычно долго стояла перед зеркалом, охорашиваясь и поправляя свою напудренную прическу.

К слову, ее уборная (отделкой которой занимался сам Линар) заключала в себе все, что может придумать прихотливая мода. Ее называли уголком российского Версаля. На потолке виднелись полуобнаженные нимфы древнего Олимпа в грациозных позах. Вниз спускалась бронзовая люстра с амурами и хрустальными подвесками в виде древесных листьев. Комнату украшали шелковые портьеры, тонкие, с изящным узором кисейные занавеси на окнах, дорогие ковры, жардиньерки с тепличными растениями, привезенная из Парижа мебель розового дерева, отделанная золотом и обитая шелком. На туалетном столе были разбросаны лучшие произведения французской и итальянской косметики: духи самых тонких букетов, благовонные помады, нежные пудры, благоуханные эссенции, дорогие румяна и белила.

Но кокетству Анна предавалась лишь от случая к случаю, и роскошный будуар, забытый ею, часто пустовал, словно ждал той поры, когда в нем появится другая хозяйка, которая будет понимать все тонкости женского туалета и которая будет проводить в нем сряду по несколько часов, пока не выйдет во всем блеске своего пышного наряда. (Такой хозяйкой и станет впоследствии самодержавная модница Елизавета Петровна.)

Придворный парикмахер-француз П. Я. Лобри сетовал, что в прическах Анна следовала не парижскому утонченному вкусу, но убирала волосы по собственному разумению. Но вот парадокс: чуждая щегольству регентша, войдет потом в жизнь русского Двора как законодательница моды, коей следовали многие знатные дамы (и это в то время, когда сама память о Брауншвейгском семействе вытравлялась под страхом жесточайшего наказания!). Характеристика этой самой моды содержится в «Записках» Екатерины II: «Волосы без пудры и завивки просто были гладко зачесаны на висках, над ушами; надевали очень маленький локон, из которого до половины щеки вытягивали немного взбитых волос; здесь из них делали крючок, который приклеивали в углублении щеки; потом окружали голову на полтора пальца расстояния ото лба, над макушкой, очень широкой лентой, сложенной вдвое; эта лента кончалась бантами на ушах, и концы ея падали на шею; в банты эти втыкали с двух сторон цветы, которые помещались пальца на четыре выше над ушами очень прямо; мелкие цветы спускались отсюда на волосы, покрывавшие половину щеки; кроме этого, надевали массу лент из одного куска на шею и лиф... шиньон составляли четыре висячие букли волос». Венценосная мемуаристка здесь же сообщает, что прическу Анны Брауншвейгской носил и «двор и город». И это несмотря на то, что императрица Елизавета, привыкшая первенствовать во всем, стрижку свою явно не жаловала (мода она придавала самое серьезное значение, не терпела соперничества и похвал чужой красоте).

Дворцовые приемы, несмотря на нелюбовь к ним правительницы, не утратили прежней, господствовавшей при Анне Иоанновне помпезности. Вот как описывает один из балов того времени газета «Санкт-Петербургские ведомости»: «Богатые украшения и одежды на всех туда собравшихся персонах были, по рассуждению искуснейших в том людей, так чрезвычайны, что подобные оным едва ли при каком другом европейском дворе видны были, причем благопри-

стойность и приличный ко всему выбор и учреждение употребленному на то богатству и великолепию ни в чем не уступали». А очевидца, присутствовавшая на одном из приемов, живописав пышность уборов и обстановки, воскликнула в сердцах, что все это «заставляло меня вообразить, что я нахожусь в сказочной стране, и пьеса Шекспира “Сон в летнюю ночь” весь вечер не шла у меня из головы».

Анна Леопольдовна, однако, не только не принуждала подданных облачаться в дорогостоящую одежду, а, наоборот, старалась всячески ограничить придворную роскошь. 17 декабря 1740 года она издает специальный указ «О неношении богатых платьев с золотом и серебром, и из других шелковых парчей и штофов». Здесь говорилось о необходимости «генерального запрещения» на такую одежду («чтоб отныне вновь богатых с золотом и серебром и из других шелковых парчей и штофов дороже от трех до четырех рублей платьев никто из Наших подданных... делать и носить не дерзал, и у кого такое платье есть, оное дозволяется донашивать без прибавки вновь»). Чужеземным купцам вменялось в обязанность не ввозить в страну «излишнее» количество богатых парчей и прочих товаров, а также вывезти уже имеющиеся. Впрочем, по отношению к особам «первых трех классов... придворных Наших кавалеров, также... в службе Нашей не обретающихся чужестранцов» запрет на роскошь носил лишь рекомендательный характер, ибо, сообщалось в указе, им дозволялось носить то платье, кое они «сами пожелают».

Сближение России с Австрией, адептом которого выступал канцлер А. И. Остерман, было нежелательным для Франции: в конце концов, ей удалось заставить Швецию объявить 28 июня 1741 года войну России. Шведы требовали от России пересмотра условий заключенного Петром I Ништадтского мира и возвращения прибалтийских земель. Начиная баталии, они манифестом, обращенным к русским, объявили себя защитниками прав на престол дочери Петра Великого Елизаветы. Но годовалый император Иоанн Антонович тотчас призвал Отечество к оружию. И 23 августа 1741 года российские войска под водительством фельдмаршала П. П. Ласси наголову разбили отряд шведского генерала Врангеля, захватив в плен его самого, 1200 солдат и 12 пушек, а также заняли крепость Вильманstrandt. По случаю победы М. В. Ломоносов написал торжественную оду, в которой назвал правительницу «надежда, свет, покров, богиня над пятой частью всей земли».

Тем не менее, интриги продолжались. В Петербурге шведский посланник Нолькен и французский посол маркиз де Шетарди пытались убедить цесаревну вступить на престол, обещая значительную материальную помощь. Но Елизавета понимала, что ее главная опора и защита — не шведы и французы, а гвардия, точнее Преображенский полк (Семеновским полком командовал Антон-Ульрих). Гвардейцам же она, «милая взору» красавица, очень нравилась и потому, что водила с ними компанию, и потому, что откликалась на просьбы быть крестной матерью их детей. Сила Елизаветы — гвардейской кумы — заключалась в том, что она была дочерью Петра Великого, которую, по мнению преображенцев, несправедливо отстранили от престола, отдав трон Брауншвейгской фамилии.

А. А. Бушков в своей книге «Россия, которой не было», сравнивая гвардейцев с турецкими янычарами, с легкостью выдвигавшими и свергавшими правителей, говорит о гвардии как о реакционной общественной силе и о пропасти, пролегающей между ней и народом. Потому некоторые историки тщетно ищут связи между путчем преображенцев и неким недовольством народа «немецким засильем» при дворе Анны Брауншвейгской. Думается, что никакого недовольства и не было: ученый Е. В. Анисимов, изучивший дела Тайной канцелярии за указанный период, отметил, что дела, связанные с жалобами на иностранцев во властных структурах, практически отсутствуют.

Интриги сторонников Елизаветы велись неловко, и вскоре о них прознали при дворе правительницы. Еще Линар настоятельно, но тщетно рекомендовал Анне арестовать и заточить в монастырь цесаревну, а заодно выдворить из страны маркиза де Шетарди. Но Анна к советам не прислушалась. Не подействовали на регентшу и предупреждения А. И. Остермана, который отовсюду получал известия о готовившемся перевороте. Без внимания оставила она предостережения австрийского посла Ботта, а своему мужу-генералиссимусу запретила расставлять по улицам пикеты, сказав, что никакой угрозы не видит.

Последний, кто пытался спасти положение, был обер-гофмаршал Р. Г. Левенвольде — ночью он передал правительнице записку, в которой уговаривал не пренебрегать грозящей опасностью. Анна Леопольдовна, пробежав ее глазами, сказала: «Спросите графа Левенвольде, не сошел ли он с ума? Все это пустые сплетни, мне самой

лучше, чем кому-нибудь, известно, что цесаревны нам бояться нечего». Такая уверенность зиждилась на несокрушимой вере Анны в добрые чувства своей двоюродной тети. «В самом деле, — поясняет историк Н. И. Костомаров, — между правительницею и цесаревною господствовало полное согласие и нежнейшая родственная дружба. В день рождения цесаревны, в декабре 1740 года, правительница послала ей в подарок дорогой браслет, а от лица малолетнего императора — осыпанную камнями золотую табакерку с гербом, и тогда же... указано было из соляной конторы выдать 40 тысяч рублей на уплату долгов цесаревны. Когда у правительницы родилась дочь, восприемницей ее при св. крещении была цесаревна».

Наконец, Анна все же решилась на разговор с Елизаветой. 23 ноября 1741 года она, воспользовавшись придворным вечером, отозвала для беседы цесаревну и напрямую спросила, не собирается ли та совершить государственный переворот. Елизавета ответила отрицательно, сказав, что присягала на верность Иоанну Антоновичу и никогда не будет клятвопреступницей (для пущей убедительности она всплакнула). Разговор регентши и цесаревны вышел очень трогательным и душевным, и Анна Леопольдовна успокоилась.

А на следующий же день, в ночь с 24 на 25 ноября, Елизавета, сопровождаемая 300 гвардейцами Преображенского полка, совершила переворот, который некоторые писатели называют «разбойным захватом власти, свержением законного императора». Войдя в покои спящей правительницы, Елизавета сказала ей: «Сестрица, пора вставать!» Догадавшись, в чем дело, Анна Леопольдовна стала умолять царевну не делать зла ее детям, и прежде всего Иоанну Антоновичу. Елизавета, конечно же, пообещала и взяла на руки младенца, который безмятежно улыбался. «Бедное дитя! Ты вовсе невинно: твои родители виноваты», — изрекла она.

В преддверии неминуемой ссылки Анна Леопольдовна горячо настаивала, чтобы при них находился неотлучно православный священник. Первоначально Брауншвейгское семейство решено было отправить за границу, но потом Елизавета Петровна передумала и приказала перевезти узников сначала в город Раненбург Рязанской губернии, а с июля 1744 года — в далекую северную глушь Холмолгоры. Их разместили в бывшем архиерейском доме, обнесенном высоким тыном, под неусыпным надзором сторожей, совершенно разобцившим их с внешним миром. Развлеченьями заклю-

ченных было чтение, а также прогулки по саду при доме и катанье в карете, но не далее двухсот сажен от дома, и то в сопровождении солдат. Заключение, вследствие ничтожности средств, отпускаемых на их содержание, и произвола стражи часто нуждались в самом необходимом. Жизнь их была тяжела. Но и в этих условиях родители занимались воспитанием малолетнего Иоанна Антоновича (вскоре их с ним разлучили). Как утверждает Ф. И. Гримберг в своей книге «Династия Романовых. Загадки, версии, проблемы» (2006), «по воспитанию своему это был самый, да нет, что уж там, единственный настоящий русский император за всю историю все-русской империи. Он умел читать по-церковнославянски, был наставлен в православии и едва ли не склонялся к “древлему благочестию”, к “раскольничьим убеждениям”».

В ссылке у супругов родились еще трое детей: Елизавета (1743), Петр (1745) и Алексей (1746). Анна Леопольдовна умерла на 28 году жизни 7 марта 1746 года от родильной горячки (причем, когда несчастная обратилась с просьбой о повивальной бабке, ей в этом отказали). Говорят, когда императрица Елизавета узнала о кончине Анны, она «очень плакала». Но при этом Антону-Ульриху повелели сделать собственноручное описание смерти супруги, дабы в руках правительства оказался политический документ, который можно было предъявить Европе в случае появления «Лжеанны Леопольдовны». Тело ее анатомировал тюремный лекарь, уложили в дубовую колоду и по мартовскому снегу повезли в Петербург, где и похоронили с большой торжественностью в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры...

Но вернемся к проклятию царицы Прасковьи. Кажется, что злой рок тяготел над всем Брауншвейгским семейством. Иоанн Антонович был отделен от семьи, а с 1756 года томился в одиночной камере Шлиссельбургской крепости; 5 июля 1764 года его вероломно убили при попытке освобождения, предпринятой поручиком В. Я. Мировичем. Остальные дети Анны, болезненные и припадочные, провели в ссылке более 36 лет. А Антон-Ульрих после многочисленных напрасных просьб отпустить его с семьей за границу, ослеп и умер в Холмогорах в 1774 году. Только в 1780 году Екатерина II отпустила оставшихся в живых четверых детей Брауншвейгского семейства в Данию, определив им полное содержание русского правительства.

Принцы и принцессы, которые, кстати, уже не желали уезжать из России, были православными, говорили только на русском языке, причем с характерным северным «холмогорским» выговором. В Данию с ними прибыли священник и слуги. В 1782 году скончалась принцесса Елизавета, в 1787 году умер принц Алексей, в 1798 году — Петр. Дольше всех прожила глухая и косноязычная принцесса Екатерина. Тщетно просила она императора Александра I вернуть ее в Россию (1803), где она собиралась постричься в монахини. Она скончалась в Горсенсе в 1807 году и там же погребена вместе с сестрой и братьями. Так заканчивается рассказ о проклятом семействе. Судьбе было угодно на краткий миг вознести его на гребень российской власти, чтобы потом стремительно низвергнуть в пучину страданий и бед, длившихся всю оставшуюся жизнь...

Размышляя над причинами падения Брауншвейгского семейства, мне приходит на ум характеристика классика исторической мысли С. М. Соловьева: «Не было существа менее способного находиться во главе государственного управления, чем *добрая* Анна Леопольдовна». Спору нет, правительница ярким государственным умом не обладала, но разве наделены им были менее образованные и интеллигентные — бывшая «портомоя» Екатерина I, капризный мальчишка Петр II, «царица пристрашного зраку» Анна Иоанновна, «щеголиха на троне» Елизавета?

Может статься, весь смысл здесь в этом слове *добрая*, ведь, наконец, душевная чистота, прямодушие, мягкосердечие, кротость в принципе неприемлемы для самодержца вообще, а в условиях России в особенности? Выходит прав Н. Макиавелли, сказавший в свое время, что государь, руководствующийся принципами добра, пропадет, поскольку живет среди людей порочных и злых? А ведь и «основоположники» К. Маркс и Ф. Энгельс отделяли мораль от политики, подчеркивая необязательность, да и ненужность соблюдения правителем нравственных правил. Согласно Л. Д. Троцкому, основой личности руководителя-большевика являются вовсе не его душевные качества, а целеустремленность, решимость, непримиримость к врагам. И мы знаем не понаслышке: при коммунистическом режиме имморализм властей предрержащих, чуждых даже начаткам нравственности и творивших зло в небывалых доселе масштабах, прочно укрепился в СССР, где все было подчинено политике и утопическим доктринам. «Союз нерушимый» разрушился, но просуществовал

долго, продемонстрировав жизнестойкость самой идеи нечистой и аморальной власти.

Однако в рассматриваемый нами исторический период декларировались совсем иные постулаты: мысль о «добродетельном монархе» овладела, казалось бы, всеми. «Подробно прослеживать генезис и историю сего понятия в рамках статьи невозможно, но не подлежит сомнению, что традиция единства политики и морали укоренилась в общественном сознании еще в достопамятные времена. Плутарх предъявлял к правителю нравственные требования. Для великого Аристотеля во власти и политике должны участвовать лишь люди достойные. И Сенека в трактате «О милосердии» утверждал: тот правитель, у коего власть соединена с добродетелью, есть избранник богов. В этом же духе высказывались Плиний и Тацит. А говоря о временах более поздних, можно вспомнить Г. Мабли, который называл политику общественной моралью, а мораль — частной политикой. Хорошая политика, по Мабли, не отличается от здоровой нравственности. И, согласно Ж.-Ж. Руссо, власть неотделима от морали, и все, что является нравственным злом, является злом и в политике.

Образ милосердного добродетельного монарха становится характерным и для европейских литератур барокко и классицизма. Под несомненным влиянием французского классицизма добродетельный монарх обретает голос в русской драматургии XVIII века. А в отечественной одической поэзии восхваление добродетелей венценосца предусматривалось самими законами панегирического жанра, и потому апологетика такого рода упорно и настойчиво повторяется практически в каждом стихотворном тексте. Стоит ли объяснять, что то был риторический прием, а приписываемые (всем) монархам и монархиням (одинаковые) «доброты» — мнимые и имели к ним такое же отношение, как «Моральный кодекс строителя коммунизма» к беспринципным партийным аппаратчикам времен брежневского застоя.

Но Анна Леопольдовна, какой она видится нам сегодня, личность и в самом деле обаятельная и притягательная. Она, несомненно, — правительница добродетельная, а добро, как сказал поэт, «должно быть с кулаками». Беда ее в том, что бойцов, вставших на ее защиту во время «гвардейского» мятежа Елизаветы, не отыскалось. А все потому, что регентша не смогла создать свою «команду» и управлять ею. Не имея способности и воли авторитарного Петра Великого, добродетельная регентша допустила такой уровень дезорганизации

высших эшелонов власти (мы говорили уже об интригах и склоках среди главных министров), который оказался гибельным для ее правления.

Ее преемница, менее нравственно чистоплотная и щепетильная, циничная и не верная слову Елизавета потому и царствовала два десятилетия, что умела держать под контролем и использовать в своих интересах борьбу придворных группировок. В отличие от своей двоюродной племянницы с ее пылким романтическим воображением, дочь Петрова отнюдь не идеализировала людей, не искала в них добрые начала, понимая, что с таким подходом к жизни на российском престоле не удержишься. «Анна Леопольдовна вполне могла бы быть английской королевой, — резюмирует историк И. В. Курукин, — как ее тезка, царствованию которой в 1702–1714 гг. при ожесточенной борьбе партий в иной, более устойчивой политической системе, ничего не угрожало. Но роль политика в условиях России была ей явно не по плечу».

И становится понятно, что политический режим, сама система самодержавной власти обрекали на низложение, наказание и жестокие репрессии правителей добродетельных и честных. Торжествовали же порфирососцы двоедушные, лживые и безнравственные. Изменение этого — увы! — закоренелого обычая станет возможным только в правовом государстве, в коем столкновения политики и морали минимальны. И важно то, что именно в XVIII веке в мире появился крупный государственный деятель, соединивший в себе широту мышления, высокую мораль, чувство реальности и тонкую проницательность. Правда, его блистательная карьера задалась не в России (где правитель подобного типа не имел тогда никаких шансов на успех). Мы имеем в виду автора Декларации независимости (1776), третьего президента Северо-Американских Штатов Томаса Джефферсона, который провозгласил, что искусство управления состоит в искусстве быть честным. Что до добродетельной и честной Анны Леопольдовны и Брауншвейгского семейства, то за свое прикосновение к власти они заплатили очень дорого.

